

DOI: 10.15643/libartrus-2018.2.5

Особенности именованя образцов оружия и военной техники в актуальном информационном дискурсе

© Е. А. Яковлева*, Э. Н. Ирнараров

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Россия, Республика Башкортостан, 450008 г. Уфа,
улица Октябрьской революции, 3а.*

*Email: e_yakov@mail.ru

В статье рассматривается вопрос пополнения военной терминологии новыми единицами в контексте современных информационных реалий. Авторы утверждают, что именоване новообразованных единиц происходит по типу повторной номинации, что соответствует особенностям представления новых образцов оружия как основанных на прототипах, уже имевших свои обозначения в рамках терминосистемы. Также на примере метода утверждения военным ведомством новых названий образцов оружия анализируется тенденция к расширению факторов, влияющих на характер перехода слов общего языка в разряд терминов специализированной терминологии (терминологизация). В работе, по возможности, приведены упоминавшиеся в текстах СМИ военные наименования в качестве иллюстративного материала.

Ключевые слова: *военная терминология, вторичная номинация, повторная номинация, комплексы вооружений, военная техника, СМИ, интернет, политика, новое оружие, язык и общество.*

Необходимость подробного освещения современного состояния терминологических систем подразумевает периодическую работу по анализу и разбору как вновь образующихся терминологических единиц, так и более общий обзор функционирования профильных терминологий в контексте современного информационного момента. Так, ряд сугубо экстралингвистических факторов: внешнеполитические сношения, изменение степени остроты дипломатических контактов, а также ряд эмоциональных выпадов со стороны отечественных и зарубежных политических лиц – приводят к активизации процесса пополнения, прежде всего, военных терминосистем и дальнейшей актуализации их единиц в языке как СМИ, так и рядовых носителей.

В первом же приближении стоит отметить имевшее место в 2018 году некоторое пополнение объектов вторичной номинации в виде наименований оружия и военной техники. В обзорах и сообщениях различных изданий [5, с. 10–14], посвященных громким политическим заявлениям властей предержавших, были перечислены новые образцы вооружений. Нас же как лингвистов интересуют именно их наименования и способ их образования, а также определенная понятийно-семантическая соотносимость «свежих» терминологических единиц с теми, что служили средствами именованя схожих по классу объектов. Стоит отметить, что, касаясь темы названий видов техники, мы сталкиваемся с таким явлением, как номинативный термин, или же, проще говоря, наблюдаем трансформацию (терминологизацию) обычной лексемы в специализированную номенклатурную единицу.

Примыкают к данному процессу и другие мероприятия министерства обороны, которое, пытаясь следовать современным тенденциям, активно привлекало интернет-пользователей к процессу именованя новых разработок (иначе говоря, «неймингу») [8, 9, 12]. Возможно, что

на данный момент такой способ остается эпизодическим, но, как представляется, допустимо предположить, что впоследствии непосредственное участие носителей языка в терминологизации лексем своего активного лексического запаса будет значительно больше распространено не только в военной, но и в других областях, где применяются специализированные терминологии.

Прежде чем приступить к рассмотрению новых единиц, необходимо сделать ряд небольших общетеоретических замечаний. Если мы имеем дело с названиями оружия, да еще и в свете последних веяний, то заметным становится преобладание «именного» компонента таких терминологических единиц над буквенно-цифровым. Проще говоря, главным для пользователей, которые все сильнее испытывают влияние различных вновь появляющихся наименований, становится так называемая «прозвищная» часть терминологической единицы как лучше воспринимаемая и семантически доступная.

Так возникает небольшое нарушение принципа упорядоченности системы с точки зрения традиционного взгляда на терминологию. Поэтому в таком ракурсе утверждается, что «поскольку целью работы по упорядочению терминологии является создание терминосистемы – упорядоченной совокупности терминов, отражающей систему называемых этими терминами понятий, упорядочению терминов должны предшествовать выявление и упорядочение соответствующей системы понятий с помощью систематизации и определения каждого из входящих в систему понятий» [4, с. 81]. А, как известно, «понятие – это форма мысли, отражающая материальные и нематериальные объекты, при которой сознанием выделяются и фиксируются только существенные признаки объекта... систематизация понятий позволяет вскрыть существенные связи и отношения между понятиями, установить место каждого понятия в понятийной системе, проверить полноту сбора терминов и выявить недостатки терминологии (синонимию, омонимию, различные толкования понятий и т. д.)» [4, с. 81–82].

Учитывая сказанное выше, процесс участия пользователей в терминологизации (в конкретном случае – интернет-голосование) вполне способен внести некоторые рассогласования с принципами военной терминосистемы, что, впрочем, как будет видно впоследствии, и не является грубым расхождением с требованиями к военному термину.

Возвращаясь к проблеме доминирования прозвищной составляющей названия оружия, стоит указать, что образуются подобные единицы в ходе процесса вторичной номинации, что есть «использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [11, с. 22]. Кроме того, если подвергать такой способ именования классификации, то в случае с называнием образцов военной техники может иметь место и повторная номинация, использующая новые языковые средства для именования объекта действительности (также денотата), уже имеющего терминологическое обозначение [3, с. 19]. Последнее особенно важно при наличии того факта, что, как стало известно, несмотря на активную кампанию по информированию аудитории о новых разработках, многие из них так или иначе основаны на прототипах восьмидесятых – начала девяностых годов прошлого века [5]. Иными словами, для этих агрегатов уже существовали определенные наименования.

Остановимся подробнее как на названиях вооружений, уже существующих или объявленных новыми со слов политических деятелей, так и на утвержденных для них обозначениях. Можно отметить упоминание ракетных комплексов «Сармат» и «Воевода», причем первый должен прийти на смену последнему, т.е. уже налицо тенденция к актуализации в дискурсе нескольких номинативных единиц. Сразу стоит подчеркнуть, что данные образцы обладают

и традиционными для военной техники буквенно-цифровыми обозначениями: *РС-28* и *РС-20* соответственно – более современная модель получает больший цифровой индекс. Помимо этого, в указанных нами выше источниках наличествуют и макаронические именованья в случае, если издание приводит наименование ракетного комплекса *РС-20* в классификации НАТО: *Satan*. Хотя это тема для отдельного исследования, все же скажем, что подобная манера передавать зарубежные наименования военной техники без транслитерации в русском языке имеет явную тенденцию к закреплению.

Другой тип оружия, названный в послании, – гиперзвуковой ракетный комплекс «*Кинжал*». Семантический окрас нового номинативного термина очевиден и одновременно отражает позиционирование данного образца и его претензии на качество поражения. Наименование употреблено в контексте применения как адаптированного для истребителя *МиГ-31* комплекса «*Искандер*». Опять-таки здесь продолжается сочетание новых и старых названий в пределах одного информационного сообщения. И хотя с технической точки зрения такое замечание будет некорректно, с языковой стороны термин все же является производным, и здесь вполне имеет место процесс повторной номинации, происходящий вследствие изменения области применения объекта.

Характерной получилась ситуация с не утвержденным на момент заявления Президента названием беспилотного глубоководного аппарата, когда определенные сведения о его прототипе стали известны. Так оказалось, что подобная система уже имела обозначение «*Статус-б*». Как можно заметить, какая-либо агрессивная или рекламная семантическая окраска отсутствует, что может быть связано как с тем, что данным именем обозначался ранний прототип, так и с общей базовой системой военных именованья.

Продолжая взятый в Послании курс, далее в контексте перевооружения появлялось упоминание модификации уже существующей модели ракет типа «*Ярс*», получившей обозначение «*Авангард*». Броское название появилось как языковое средство явно под воздействием острого политического момента, т.к., по сообщениям сетевых СМИ, изначально данная разработка носила наименование «*Холод*» [5]. Можно утверждать, что на данном примере особенно иллюстративен важный фактор повторной номинации как одной из отличительных черт военной номинативной терминологии. Последнее всегда обусловлено исключительно экстралингвистически и связано с «горячими» политическими новостями, что и вызывает потребность реализовать те или иные претензии и амбиции в военной сфере языковыми средствами.

В подтверждение идеи, что терминосистема не всегда способна поспеть за изменениями политической конъюнктуры, в ходе презентации руководством государства новости о перспективном лазерном оружии не было назначено какое-либо его наименование. Несомненно, что уже тогда в определенных кругах могла существовать мысль о необходимости привлечь рядовых пользователей к процессу номинации, что, однако, не отменяет сей интересный экстралингвистический феномен.

Среди событий последнего времени, в какой-либо степени повлиявших на формирование военных терминов, необходимо выделить имевшее место сетевое голосование рядовых носителей языка по поводу именованья новых образцов вооружения. Как уже отмечалось, подобная форма совместной деятельности военного ведомства и массовой аудитории хоть и смотрится пока необычно, в будущем вполне способна стать условием пополнения военной терминосистемы. По материалам СМИ можно привести ряд примеров состоявшихся и потенциальных наименований техники, предложенных пользователями.

Итак, для обозначения оружия определенного класса соответствующим ведомством производился отбор подходящих, с его точки зрения, наименований [8]. Так, потенциальными техническими названиями лазерного комплекса могли стать «Горыныч», «Пересвет», «Блик». Далее, ракетное оружие с ядерной установкой могло получить терминологические обозначения в следующем виде: «Буревестник», «Император», «Монарх», «Тишина», «Пальмира». И, наконец, в качестве названия для беспилотного подводного аппарата отобраны наименования «Лещ», «Карась», «Шентун», «Посейдон», «Аврора». По крайней мере, согласно сообщениям в Сети [9], указанные формы слов, предложенные аудиторией голосования, оказались наиболее популярными среди пользователей, и этот факт весьма полезен в качестве иллюстрации лексико-номинативных тенденций в процессе языковой номинации, осуществляемой носителями языка.

Для рассмотрения вопроса подобных прозвищных наименований оружия, т.е. фактически новых терминов с доминирующим номинативным компонентом, стоит на примере уже утвержденных названий для вышеупомянутых типов военной техники назвать некоторые современные особенности повторной и вторичной номинации в системах со специализированной терминологией. По официальным данным [12], наибольшее одобрение пользователей получили названия «Пересвет», «Посейдон» и «Буревестник» в качестве обозначения лазерного оружия, подводного аппарата и ракетного комплекса соответственно.

При всей новизне способа и метода подбора новых лексических единиц для их последующей трансформации в термины как во всей военной терминосистеме, так и в данном случае сохраняется некий базовый принцип военных именовании, так или иначе свойственный отечественной сложившейся традиции и символике. Надо оговориться, что анализировать военную область языка приходится в определенных рамках, заданных самой этой языковой средой, – на первый план всегда выходит лексико-семантическая составляющая, а также эмоциональный и коннотативный окрас.

Что касается соблюдения установившейся традиции военного именовании, то сразу можно выделить немаловажную эмоционально-ментальную функцию таких единиц – передача в термине и его семантических свойствах дихотомии «свой – чужой». То есть, помимо просто обозначения образца вооружений и экспрессивного воздействия на аудиторию, такое название также предполагает закрепление в сознании носителя языка четко закрепленной установки на создание единого «образа» образца военной техники и его названия. Данное противопоставление, на наш взгляд, вовсе не связано с какими-либо национальными стереотипами или стремлением к изоляционизму – все это может быть обусловлено конкретной политической конъюнктурой – главным здесь является именно эмоциональная потребность как военных кругов, так и части граждан в ощущении «активной обороны», реализующейся в таком типе номинации технических средств боевых действий. И для выполнения функции дифференциации «свой – чужой» в языковой и информационной сферах используются любые доступные лексические ресурсы – уже упоминавшийся номинативный термин «Посейдон» выбран не случайно, хотя подобное наименование встречается и в зарубежной системе военных терминологических единиц.

Что касается двух других прошедших отбор названий («Пересвет» и «Буревестник»), то сознательно или нет военное ведомство отобрало их для обозначения лазерного и ракетного комплексов как для общей звучности, «рекламности», так и для выполнения номинативной функции «свой – чужой» через семантический компонент и соответствующую коннотацию –

в данном случае имя эпического национального героя в одном примере и образа летящей птицы (из известного литературного текста) – в другом. Нельзя сказать, что подобные средства для создания военных названий свойственны только русской номинации, однако определенный интерес вызывает преломление ментальных, эмоциональных и языковых пластов именно в военно-терминологической системе русского языка.

При определении способа образования рассматриваемых нами новых терминов мы опять-таки вынуждены ограничиваться основными приемами, принятыми в военном подъязыке. Так как данные именованья носят ярко выраженный характер прозвищных единиц, то и терминологизированы они с помощью метафоризации. А, как известно, основной механизм данного процесса заключается в ассоциативной близости двух предметов, благодаря чему и формируется требуемый образ [2, с. 75]. Последний, очевидно, задается теми потребностями, которые должны реализовываться через данное наименование.

Определенные выводы можно сделать уже по факту активного применения метафоризации как таковой, поскольку сей процесс индивидуален для специализированной лексики каждого языка (что обусловлено определенным влиянием национально-этнических традиций и стереотипов) и перманентно происходит в русской языковой системе в целом, что уже давно замечено в исследованиях по словообразованию терминов и подобных им единиц [13, с. 41]. Отмечена еще одна черта метафоризации как способа терминообразования, заключающаяся в утрате прежних семантических связей слова после терминологизации [13, с. 67]. Как представляется, военную терминосистему можно отнести к тем исключениям, которые как раз предполагают необходимость если не полного, то хотя бы частичного сохранения указанных связей. Относится это, прежде всего, к терминам антропонимического типа, как в нашем случае «Посейдон» и «Пересвет», а также другие, набравшие популярность среди пользователей, но не утвержденные министерством. Все это также отвечает специфике процесса военного именованья и отражению темы «свой – чужой» в военном подъязыке как таковом.

Часто, говоря о номинативных терминах, не стоит забывать о том, что при всем обладании довольно сильными связями с именем-«исходником» такая единица все же является полноценным термином, ибо «военным термином может быть любая самостоятельная лексическая единица языка, если она приобретает соответствующее значение. Термин представляет собой функциональное понятие, т.е. каждое самостоятельное слово может стать термином, если оно приобретает терминологическую функцию» [6, с. 130]. Собственно, указанная когнитивно-семантическая соотнесенность с производящим словом сама по себе является одной из базовых функций военно-технического наименования, которое, повторимся, и должно нести в себе довольно высокий коннотативный и эмоциональный компоненты.

Важная роль метафоризации в военном терминологическом лексиконе, ее обусловленность традициями социума и языка порождает определенную двусоставность метафоры как приема. Поэтому логично здесь утверждение о том, что функциональный дуализм метафоры проявляется в ее действии как культурного и когнитивного процессов [11, с. 26]. Указанное мы и наблюдали выше в виде тесного сочетания базовых свойств оружия в его названии (что характерно в той или иной степени для всех военно-технических терминов) и его семантического «ореола», когда сам термин будто подстраивается под его должное восприятие рядовым носителем языка. Последнее, кстати, можно назвать условно-современным процессом, возможно, унаследованным от названий боевых кораблей – когда «имя» оружия должно не только отражать его свойства и военные традиции, но и производить впечатление на свою и

зарубежную аудиторию. Предположительно такой феномен должен прямо коррелировать с моментом возникновения и развития массового общества как такового, ведь именно в последние полтора столетия и происходят связанные с данным процессом изменения в социуме, неизбежно отражающиеся в языке и его терминологической подсистеме.

Использование кампании по голосованию пользователей Сети для процесса именования образцов вооружений само по себе является результатом влияния феномена массового общества на процессы терминологизации и терминологизации. Однако еще одной причиной таких мероприятий, сходных по масштабам с рекламными кампаниями, является политический контекст, вызывающий к жизни необходимость и потребность в воздействующих на восприятие гомо сапиенса наименованиях. Все это явно проявилось и в случае с президентским Посланием и последующей деятельностью министерства, что еще раз выделяет сильное влияние политического дискурса на терминологию и их серьезную взаимосвязь в последнее время. Причем тенденция к такому соприкосновению сфер терминологии и «острых» социально-политических тем наметилась отнюдь не сегодня. Так, уже отмечалось, что в современном политическом дискурсе встречаются термины, выражающие собой актуальные или актуализирующиеся феномены и понятия [7, с. 100]. Эти обстоятельства подводят нас к ключевой проблеме современного состояния профильных терминологий, и военной в том числе, – увеличивающейся степени влияния военного подязыка на речь и отчасти мышление с восприятием рядовых носителей общелитературного языка.

Влияние в данном случае может быть не только односторонним, но и двусторонним, что больше подходит для описания этого процесса. Будущие повторения прецедента с участием граждан в назывании образцов военной техники, несомненно, лишь вопрос времени, как и неизбежные дипломатические пертурбации, катализирующие сей процесс. И, как уже было не раз сказано, первые проявления всех этих разнонаправленных лексическо-семантических воздействий на языковую систему возникли уже достаточно давно и были подготовлены самой сущностью военно-технической терминологии как таковой. Обусловлено это, как верно замечено, гибкостью, продуктивностью военной терминологии и использованием определенных военных идеологий за пределами военной сферы и их внедрением в гражданскую сферу [1, с. 66].

Означенные черты военной терминологии и процесса именования военной техники в современную эпоху, скорее всего, будут усиливаться в ближайшей перспективе, вызывая этим повышенное внимание не только исследователей, но и большинства носителей русского языка.

Литература

1. Богданова С. И., Могилина А. В. Использование военной лексики в гражданской сфере // *Современные наукоемкие технологии*. 2013. №7(1). С. 66–67. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-voennoy-leksiki-v-grazhdanskoy-sfere>.
2. Ван Несс С. Р. Использование вторичной номинации при создании прозвищных наименований // *Вестник ЮУрГУ. Сер.: Лингвистика*. 2008. №16. С. 74–77. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-vtorichnoy-nominatsii-pri-sozdanii-prozvischnyh-naimenovaniy-1>.
3. Голубева Н. А. Вторичная или повторная номинация? Прецедентная номинация // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2008. Вып. 10 (66). С. 16–23. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vtorichnaya-ili-povtornaya-nominatsiya-pretседentnaya-nominatsiya>.
4. Гринев-Гриневич С. В. *Терминоведение: учеб. пособие*. М.: Академия, 2008. 304 с.

5. Никольский А., Бочарова С., Мухаметшина Е. Какое оружие показал Путин и на кого было рассчитано его послание . URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/03/02/752531-oruzhie-putin>.
6. Кислякова А. А. Военный подъязык в системе литературного языка // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. Вып. 566. С. 128–139. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/voennyy-podyazyk-v-sisteme-literaturnogo-yazyka>.
7. Лату М. Н. Военная терминология в современном политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. **2011**. №1 (37). С. 98–104. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-terminologiya-v-sovremennom-politicheskom-diskurse>.
8. Минобороны не смогло выбрать между «Шептуном» и «Посейдоном». URL: <https://lenta.ru/news/2018/03/18/naming/>.
9. Минобороны обнародовало выбранные пользователями названия для вооружений. URL: <http://www.interfax.ru/russia/604830>.
10. «Не блеф»: какое новое оружие презентовал Владимир Путин. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/03/2018/5a97dd9e9a794781fe4bc64b>.
11. Панина Т. Г. Вторичная косвенная номинация как языковой, когнитивный и культурный процессы // *Magister Dixit. научно-педагогический журнал Восточной Сибири*. **2012**. №2 (06). Июнь. С. 21–27. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vtorichnaya-kosvennaya-nominatsiya-kak-yazykovoy-kognitivnyy-i-kulturnyy-protsessy>.
12. «Пересвет», «Посейдон», «Буревестник»: россияне определились с названиями новых видов оружия. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/495030-superorujie-nazvanie-raketa-lazer>.
13. Прохорова В. Н. *Русская терминология (лексико-семантическое образование)*. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, **1996**. 125 с.
14. Путин о новом оружии. Обобщение. URL: <http://www.interfax.ru/russia/601993>.
15. Яковлева Е. А., Ирназаров Э. Н. Военно-техническая терминология в русском языке: специфика наименований // *Мова – Літаратура – Культура: матеріялы VIII Міжнар. навук. канф., Мінск, 15–16 вер. 2016 г. У 2 ч. Беларускі дзярж. ун-т. Мінск: РІВШ, 2017. Ч. 2. С. 57–63.*

Поступила в редакцию 10.04.2018

После доработки – 25.04.2018.

DOI: 10.15643/libartrus-2018.2.5

Features of the naming of weapons and military equipment in contemporary information discourse

© E. A. Yakovleva*, E. N. Irnazarov

*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
3A Oktyabr'skoi Revolutsii Street, 450008 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

*Email: e_yakov@mail.ru

In the article, the question of replenishing military terminology with new units is discussed in the context of modern information realities. The authors assert that the naming of the newly formed units occurs according to the type of re-nomination, which corresponds to the features of the presentation of new weapon models based on prototypes that already had their designations within the terminology system. In addition, as an example of the method of approving new names of weapon samples by the military department, a tendency is analyzed to expand the factors influencing the character of the transition of words of a common language to the category of terms of specialized terminology. In the work, the military names mentioned in the media texts are listed as illustrative material.

Keywords: military terminology, secondary nomination, re-nomination, weapon complexes, military equipment, media, Internet, politics, new weapons, language and society.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Yakovleva E. A., Irnazarov E. N. Features of the naming of weapons and military equipment in contemporary information discourse // *Liberal Arts in Russia*. 2018. Vol. 7. No. 2. Pp. 132–140.

References

1. Bogdanova S. I., Mogilina A. V. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. 2013. No. 7(1). Pp. 66–67. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-voennoy-leksiki-v-grazhdanskoy-sfere>.
2. Van Ness S. R. *Vestnik YuUrGU. Ser.: Lingvistika*. 2008. No. 16. Pp. 74–77. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-vtorichnoy-nominatsii-pri-sozdanii-prozvischnyh-naimenovaniy-1>.
3. Golubeva N. A. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2008. No. 10 (66). Pp. 16–23. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vtorichnaya-ili-povtornaya-nominatsiya-pretседentnaya-nominatsiya>.
4. Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedenie: ucheb. posobie [Terminology: textbook]*. Moscow: Akademiya, 2008.
5. Nikol'skii A., Bocharova S., Mukhametshina E. Kakoe oruzhie pokazal Putin i na kogo bylo rasschitano ego poslanie. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/03/02/752531-oruzhie-putin>.
6. Kislyakova A. A. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 566. Pp. 128–139. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/voenny-podyazyk-v-sisteme-literaturnogo-yazyka>.
7. Latu M. N. *Politicheskaya lingvistika*. 2011. No. 1 (37). Pp. 98–104. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-terminologiya-v-sovremennom-politicheskom-diskurse>.
8. Minoborony ne smoglo vybrat' mezhdru «Sheptunom» i «Poseidonom». URL: <https://lenta.ru/news/2018/03/18/naming/>.
9. Minoborony obnarodovalo vybrannye pol'zovateli nazvaniya dlya vooruzhenii. URL: <http://www.interfax.ru/russia/604830>.
10. «Ne blef»: kakoe novoe oruzhie prezentoval Vladimir Putin. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/03/2018/5a97dd9e9a794781fe4bc64b>.
11. Panina T. G. *Magister Dixit. nauchno-pedagogicheskii zhurnal Vostochnoi Sibiri*. 2012. No. 2 (06). Iyun'. Pp. 21–27. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vtorichnaya-kosvennaya-nominatsiya-kak-yazykovoy-kognitivnyy-i-kulturnyy-protsessy>.

12. «Peresvet», «Poseidon», «Burevestnik»: rossiiane opredelilis' s nazvaniyami novykh vidov oruzhiya. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/495030-superorujie-nazvanie-raketa-lazer>.
13. Prokhorova V. N. *Russkaya terminologiya (leksiko-semanticheskoe obrazovanie) [Russian terminology (lexical-semantic formation)]*. Moscow: Filologicheskii fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, **1996**.
14. Putin o novom oruzhii. Obobshchenie. URL: <http://www.interfax.ru/russia/601993>.
15. Yakovleva E. A., Irnazarov E. N. Mova – Litaratura – Kul'tura: materyyaly VIII Mizhnar. navuk. kanf., Minsk, 15–16 ver. 2016 g. U 2 ch. Belaruski dzyarzh. un-t. Minsk: RIVSh, **2017**. Pt. 2. Pp. 57–63.

Received 10.04.2018.

Revised 25.04.2018.